

Вячеслав Саблуков

В МЕДНОМ ГОВОРЕ
КОЛОКОЛОВ

Вячеслав Саблуков

В медном говоре колоколов

Издательский дом «Сказочная дорога»

2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Саблуков В. Ф.

В медном говоре колоколов / В. Ф. Саблуков — Издательский дом «Сказочная дорога», 2015

ISBN 978-5-4329-0080-7

Саблуков Вячеслав Федорович родился в Москве. По специальности инженер-строитель. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Член Союза писателей России. Автор трех поэтических книг: «Птица-странница» (1997), «Поддержи меня, Держава» (2000), «Душа небесна и земна» (2012). Печатался в поэтических сборниках и альманахах. В новую книгу вошли избранные стихотворения из предыдущих сборников, а также новые, не публиковавшиеся.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-4329-0080-7

© Саблуков В. Ф., 2015
© Издательский дом «Сказочная дорога», 2015

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Вячеслав Федорович Саблуков

В медном говоре колоколов

© Саблуков В.Ф., 2015

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление, 2015

* * *

I

Поддержи меня, держава

«В несуетных Отчизны берегах...»

В несуетных Отчизны берегах
Жизнь доверяю общему течению.
Надежды луч за каждой новой тенью.
Знамение в кудрявых облаках.
Россия – это Божия страна,
И не свернуть её с пути Господня...
Пусть панорама мира всё бесплодней —
Грядущему Отчизна отдана.
Ни злости в ней, ни умысла худого,
Лишь нежность материнского тепла.
За ней одной решающее слово,
За ней одной – великие дела.

«Как деревья трещат на заре...»

Как деревья трещат на заре,
Разрывая волокна тугие!
Омертвели просторы нагие,
Подчинились морозной зиме.
Я скольжу по певучей лыжне,
Углубляюся в русскую сказку.
Здесь когда-то бежали салазки.
Солнце стыло, цвело в вышине.
В этом всёобнимающем сне
Так морозно, искристо и гулко...
Так и кажется: выйдет Снегурка
И протянет ручонки ко мне.

«Под пальцами волос твоих волна...»

Под пальцами волос твоих волна
Текла в любви бездонную пучину...
И напрягалась жаркая спина,
Предчувствуя объятия мужчины.
Как будто в первый раз обнажена,
Мне что-то отрешённое шептала.
Вновь близости сомкнулась тишина,
Тьма занавеской чёрной трепетала.
Ты отдавалась мне всё горячей,
Впивалась в губы яростно, до боли...
Свободной, перевозданной и ничьей —
Моей! Моей! – в полуночной неволе!

«С собачьей преданностью я...»

С собачьей преданностью я
На независимость кошачью
Гляжу, себе вниманья клянчу,
Но ты, родная, не моя.
Устану душу унижать
И рыкну в стенах по-собачьи —
Я для тебя ничто не значу,
Но на цепи меня держать
Тебе диктует обладанье,
И не твои, мои страданья,
И не тебе переживать.
А одиночество тоскливо,
Вот оттого и нужен брак,
И всех людей я молчаливо
Делю на кошек и собак.

«Одну я женщину любил...»

Одну я женщину любил,
Как никого не полюблю.
Улыбки нежные ловил,
И до сих пор одну ловлю.
И с фотографии твоей
Ты добро смотришь на меня
Из толщи лет, из гущи дней —
Родная матушка моя.

**«А женщине снится
продрогшая птица...»**

А женщине снится продрогшая птица
Над тёмной осенней рекой.
И женщине мнится, к кому прилепиться
В безрадостной жизни такой?
Пустая свобода – как стывшие воды
Уносят её в никуда.
Сочатся по каплям бесплодные годы,
Как слёзы со щёк – без следа...

«Комар – прилипчивый вампир...»

Комар – прилипчивый вампир —
Кружился надо мной.
Он на щеке затеять пир
Хотел в глуши лесной.
Звенел и эдак он, и так,
Всё ближе подлетал,
А я, как в драке сжав кулак,
Угрюмо выжидал.
И впился в щёку, весь в поту,
Налился гневом я.
Удар! – свободнее во рту
Вдруг стало у меня!
Выплёвывая слабый зуб,
Подумал: будь здоров,
С тобою был я слишком груб
И наломал вот дров!

«Осеннее чувство, щемящее чувство...»

Осеннее чувство, щемящее чувство,
В притихнувшей роще и знобко, и пусто,
И робко ручей о грядущем бормочет,
И тропка хрустит, приморожена к ночи...
Осеннему чувству сильней доверяю.
Стихи о любви про себя повторяю
И меряю с ними холодные дали,
Иду по земле за твоими следами.
А ты где-то скрылась под плачущим небом.
С неистовым чувством догнать тебя мне бы.
И крикнуть в простор: «Без любви пропадаю!» —
Но с чувством осенним безмолвно страдаю...

**«Камень тоже безмолвно
поёт менестрелем...»**

Камень тоже безмолвно поёт менестрелем,
И смеётся крылатый амур.
Мне приснилось – расстрелян Растрелли
И без Зимнего Санкт-Петербург...
Вырываясь мелодией сольной
Из оркестра роскошных дворцов,
Благородством сияющий Смольный
Покраснел, как девицы лицо.
Теснотой умирающих зданий
Придавило на век мои сны.
Наступила пора испытаний
Под неласковым небом страны.

«Мягко воск, да жёстко время...»

Мягко воск, да жёстко время.
Чтобы выжить в нём, хитрее
Жизнь настраивай свою,
А не то – и в колею
Попадёшь, всем уступая,
Мерзкой грязью облипая
Там, без веры, без молитв
Будешь временем убит.
Но расталкивать других
Из намерений благих
Перед Господом негоже.
В Божий храм душою вхожи,
Не хитрее, а мудрей!
Помолиться поскорей
И отринуть искушенья...
Вера выстроит решенье.

«Пишу о самом сокровенном...»

Пишу о самом сокровенном,
О неразменном, неизменном,
Что неподвластно временам.
Оно, как кровушка по венам.
Так, буква к букве, слово к слову,
Пишу судьбы своей основу.
Дышу любви очарованьем,
Дарю простор своим желаньям,
Пусть не исполненным тобою,
Согретыми моей любовью...
Воспетыми моей строкою —
За что же счастье мне такое?!

«Поцелуями глаз залепи...»

Поцелуями глаз залепи,
А другой я и сам закрою.
Убаюканный нежной игрою
Прошепчу тебе в ушко: «Люби».
Ты, накрыв меня дрожью белой
Своей круглой упругой груди,
Мне ответишь: «Что хочешь делай
Ты со мною, но не уходи...»
И в глаза мне заглянешь смело,
Ничего уже в них не тая:
Ведь твоё это жаркое тело
И душа моя тоже твоя...

**«Ты – женщина, ты
жаждешь материнства...»**

Ты – женщина, ты жаждешь материнства,
Со мной ты ищешь вечного единства.
Но мир наш зыбок, мир неуловим.
На вод обман чарующий глядим.
Войдём в их освежающие струи,
Послушаем, как радостные струны
Над нами, угасая, прозвучат.
И путник одинокий будет рад
Под шелест диких трав, под птичий гам
Нас смешивать с тобою пополам...
И не узнает путник ниоткуда —
Мы два глотка из одного сосуда.

«Милые уловки старины...»

Милые уловки старины:
Звать к себе из дальней стороны
Сыновей своих и дочерей
И учить их сердцем быть добрей.
Как в последний раз на них глядеть.
Наглядевшись вдоволь – помереть.

«Мы в цветах, мы резвимся, как дети...»

Мы в цветах, мы резвимся, как дети.
Солнце кормит головки соцветий
Тёплой пищей лучей золотых.
Виснут бабочки в кронах витых,
Озаряя улыбкой поляну,
Ты в стожок опрокинешься пряный,
Руки вскинешь, протянешь ко мне.
Мы сольёмся в густой тишине,
В поцелуе, вернувшем былое...
Круг любви замыкая с собою.

«Хорошо с Тимошею вдвоём...»

Хорошо с Тимошею вдвоём.
Вместе и мурлычем, и поём.
На софе в безделии лежим,
Нарушая трудовой режим.
Мне уютно с этим толстяком.
Огорченье станет пустяком,
Лишь заглянет преданно в глаза.
Обмануть пушистого нельзя.
Так и проживаем вместе с ним —
Наш союз с котом необъясним.

«Отходит ко сну золотая столица...»

Отходит ко сну золотая столица,
Но некому в ней за меня помолиться —
Друзья не готовы, родные далече,
Где души давно омывает им вечность.
А вечер расступится вдруг перед нами,
Молюсь об усопших всем сердцем, губами.
Дойдёт ли молитва до Бога – не знаю,
Но Царства Небесного близким желаю.

«Я тереблю тебя за локон...»

Я тереблю тебя за локон,
Люблю и думаю о том —
Ты, словно вечность, одинока
В коротком бытии людском.
Промчится ночь, и солнце встанет.
А наша будущность-то где ж?!
Я для тебя случайный странник
Твоих несбывшихся надежд.
Меня проводишь до калитки,
Глаза смешаются, виски...
И вновь замкнёшься, как улитка
В суровом панцире тоски.

«О, чистый Радонеж...»

О, чистый Радонеж,
К тебе безмерна тяга!
Запахнет ладаном – шарахнется чертяка!
Где лик божественный
Восходит над престолом,
Сердцам естественней,
Теснее горьким стонам...
В мечтах не падаешь,
В века глядишься строго...
О, светлый Радонеж! —
К тебе моя дорога!

«Одна из подружек моих поэтесса...»

Одна из подружек моих поэтесса,
Другая, напротив, она – политесса.
А я между ними верчусь, как повеса:
«Молчи!» – поэтесса. «Кричи!» – политесса.
Что делать мне с ними? Два полюса в юбках
И два язычка, что змеятся на губках.
Смеяться иль плакать с такого вот стресса —
Одна политесса, одна поэтесса...

«Век суров, эфир наш сорен...»

Век суров, эфир наш сорен.
Тот, кто платит, тот и волен
Заказать любую чушь,
Лжи исполнить бравый туш.
Правый будет или левый —
Все мы дети падшей Евы.
Все в соблазнах – слабаки!
Но – отнюдь не дураки!
Господа! Очистьте поле,
Богом данное и волей!
А не то, копнёт соха —
Недалече до греха...

«Как назвать тебя мне, крошка...»

Как назвать тебя мне, крошка?
Передать смущенье щёк?
Не нога сказать, а ножка,
А не грудь, так как ещё?..
Плоти жаркие порывы
Как в слова мне уложить?
Крови стойкие приливы
Лишь тебе должны служить...
А от критиков жестоких
Как спастись? – Хоть на карниз!
Как в нагих любовных строках
Избежать натурализм?

«Пересеклись на речке Чёрной...»

Пересеклись на речке Чёрной
Бессильной памяти века.
Остыл глагол неизречённый.
Ослабла смуглая рука.
Дымок курился пистолетный.
Снежок подтаял на крови,
И утекала жизнь бесследно
Теплом из свечка любви.
А он любил вот это небо,
Шатром нависшее над ним,
Отчизны был, ковыль и небыль,
И очи сказочные нимф.
Всё безвозвратно исчезало,
Тщетой холодною слепя...
Ещё Россия не познала,
Что потеряла для себя.

«Я люблю тебя за совесть...»

Я люблю тебя за совесть,
За отчаянность очей,
Невесомую весомость
Темпераментных речей.
Как ручей, ты говорлива,
А бывает – замолчишь,
И молчанье справедливо,
Как в лесной округе тишь.
Мышь скребётся воровато.
Кот на стрёме до утра.
Начинается с заката
Наша лучшая пора.
Приготовим вкусный ужин,
Прочитаю лучший стих.
И никто-то мне не нужен
Во объятиях твоих.

«И в плен я женщине сдаюсь...»

И в плен я женщине сдаюсь,
Что хочешь, милая, то делай.
Будь победительницей смелой —
Своей неволи не боюсь.
Сдаюсь глазам твоим любимым,
Груди распахнутой твоей.
С тобой мне радостней, теплей,
Не обойдёт участие мимо...
Скорей объятия раскрой!
Сомнений тягостных не ведай...
А ты пьяна своей победой,
Сама готова в плен мужской...

«Не кабинетный я учёный...»

Не кабинетный я учёный,
Но не грущу об этом, брат.
Кручёный жизнью и верчёный,
Я её времени солдат.
Быть может, я хватаю лишку...
Но так завещано судьбой.
Ночь забытья, лишь передышка.
И каждый день, как в новый бой.

«Ты приходи и меня разбуди...»

Ты приходи и меня разбуди,
Чтоб открылись сонные веки.
Не века ведь у нас впереди.
Наши жизни – не длинные реки...
И так хочется много успеть,
Обнимая желанные плечи.
Мы успеем на час постареть
До того, как опустится вечер.
До того, как придёт полумрак
И дыхания вдруг участятся...
Всё поверить не можем никак,
Что придётся однажды расстаться.
Так буди же меня поскорей
И люби, как последнюю радость,
Чтобы в суетной горечи дней
На губах не растаяла сладость.

«На ленивом, на обсиженном шестке...»

На ленивом, на обсиженном шестке
Пребывало курье общество в тоске.
Не гоняет кур заносчивый петух.
Взгляд красавца от безделия потух.
Сушит шпоры и доволен по всему,
А они и так, и эдак – всё к нему.
Изловчится да и клюнет в жидкий зад,
И несущку куры сплетнями казнят.
Всё, как в обществе, – интрижки и грехи.
Запропали петухи да женихи.

«В трявяной, певучей чаше...»

В трявяной, певучей чаше
Хорошо, наверно, жить...
Муравей былинку тащит,
Да кузнечик ворожит.
Что-то сладко распевая,
Гнёт соцветия пчела.
Улетает мысль живая
С просветлённого чела.
А над чашею звучащей,
Там, куда уходит клён,
Купол марева дрожащий
Жарким полднем напоён.

«Ты – из пены морской...»

Ты – из пены морской,
Я – из каменной глыбы.
Мы объята тоской,
А влюбиться могли бы.
Но пока долетишь
Ты до каменной тверди,
Мне достанется лишь
Влажный след твоей смерти.
Целый век – всё одно.
Как мечтать мы посмели!
Ты легка, как вино.
Я тяжёл, как похмелье.
Пред судьбою мирской
Бессловеснее рыбы —
Ты – из пены морской.
Я – из каменной глыбы.

«Тебя я заново открыл...»

Тебя я заново открыл,
И ты открылась мне.
Дорогу к нежности торил
По знойной целине.
По бугорочкам да холмам,
Как ветерок, скользил.
Сводило счастье с ума
И добавляло сил.
Мы, как во сне, переплелись,
Попробуй, оторви!
Ещё! Ещё! – Продлись! Продлись!
Мгновение любви!
Быстрее кружился шар земной.
Кружилась голова,
И открывался мир иной,
Где не нужны слова.

«Намоленный мой уголок...»

Намоленный мой уголок.
Дух Троицы святой.
О, Отче наш, великий Бог,
С рождения я твой.
Все мысли, горести свои
С тобой одним делю.
С благоговением в крови
Тебя в душе люблю.
В неверьи прошлого со мной
Ты милосердно был,
И, переполненный виной,
Ничто я не забыл...
Я грешен, как и всяк любой.
О том молчат стихи.
Когда предстану пред тобой,
Прости мои грехи.

«Ты ангел мой небесный...»

Ты ангел мой небесный,
Всю жизнь живущий в долг.
Здесь жалость бесполезна,
Какой в ней будет толк?!
Такою ты родилась,
Раздумий моих плод.
Живи на божью милость —
Она не подведёт...

«В сновидения я ускользаю...»

В сновидения я ускользаю,
И в астрале моя душа.
Ближих адреса я не знаю,
Под созвездиями кружа.
Сын любимый и внук желанный,
Вот бы встретиться хоть на миг...
Будто слышу я шёпот странный,
Ниоткуда он вдруг возник.
Нить серебряная запела,
Натянулась, ослабла, – и
Возвращаюсь в брненное тело,
В горьковатую явь земли.

«Всё тяжелей, мрачнее тучи...»

Всё тяжелей, мрачнее тучи,
Студёной воды в берегах,
И взгляды осени колючи,
И дали в будущих снегах.
Я различаю их упрямо
В сырой покорности земли,
Иду налево иль направо,
Дороги сходятся мои
В глухую пору листопада,
В насквозь изжитую траву...
Но и у края верить надо:
«Переживу. Переживу...»

«Выбивается из сил...»

Выбивается из сил
Женщина румяная.
Я ведь двигать не просил
Мебель окаянную.
Всё бы ей переставлять,
По квартире сигать.
Голос внутренний: «Стоять!»
Женский голос: «Двигать!»
Это страсть её и боль,
И моё мученье.
Я с ума сойду с тобой!
Лучше съешь печенье,
Почитай, душа моя,
Глянь на птичек в небе,
А не то однажды я
Порублю всю мебель!

«Морозный день, и лёгким паром...»

Морозный день, и лёгким паром
Летит дыхание коня.
В санях заснеженная пара:
Моя любимая и я.
Куда-то мчимся спозоранок,
В каких годах? В каких веках?
Мелькает редкий полустанок,
И ты дрожишь в моих руках.
Ещё горят над нами звёзды —
Как хорошо, о боже мой!
И полосатые, как вёрсты,
Стоят берёзы под зимой.

«Здесь вместо елей – кипарисы...»

Здесь вместо елей – кипарисы,
Как гвозди, вбиты в синеву.
Великолепные круизы,
Что в дымке тают на плаву.
Неувядающая воля.
К полудню загустевший зной
И вечно дышащее море
Солёной пеной кружевной.

«И злословие, и беславие...»

И злословие, и беславие —
Переменчивый мир жесток.
А в моей душе православие,
Как водицы живой глоток.
С каждым днём всё сильнее верится,
Крепче дух, безразличней плоть.
В сердце тяготы перемелются,
Ведь со мной навсегда Господь.

«На стыке Запада с Востоком...»

На стыке Запада с Востоком
В своём величии высоком
Щитом стоишь, святая Русь.
Твоих забот нелёгок груз.
И на челе страданий складки.
Ты – европейка с азиаткой.
В себе ты сплавила на век
Степей немислимый разбег,
Лесов дремучее затворье...
Народы в добровольной воле
Дышать единою семьёй,
Владеть единою землёй
И по углам не разбегаться.
Ведь кровью выстрадано братство.
И наготове вражий клин, —
А щит у нас у всех один!

«Тебя все видят в одеяньях...»

Тебя все видят в одеяньях.
Мужские взгляды душу ранят.
Мне белоснежной наготой
Порой являешь миг святой
Любви коленопреклонённой,
И я, как юноша влюблённый,
Смущаясь, чувства торопя,
Беру восторженно тебя.
Готов я с целым миром драться,
С тобой мне снова восемнадцать
Неоскорблённых веком лет —
Я твой блистательный поэт!
И моё искреннее слово
Всегда служить тебе готово.

«Здесь и зависть, и чёрная злость...»

Здесь и зависть, и чёрная злость,
Здесь и годы мои безвременья,
Всё, что подлю однажды сбылось,
Как ума роковое затмение.
Не о памяти горькой скорбя,
Открывается дух от полёта —
Растащили по кочкам тебя,
Комариное наше болото!
И звенит комариный народ,
Всюду ищет привычную пищу
И в меня свои жала вопьёт,
Если только по крови отыщет.

«Божий вечер. Рождество...»

Божий вечер. Рождество.
Душ единое родство.
Я с ногами на диване.
Печка полнится дровами.
А на улице мороз
Любопытный тычет нос
В наши старенькие окна.
Закрываюсь в мамин локон
Раскрасневшейся щекой.
Тёплый, радостный покой...
Патефон, скрипя, поёт —
Пятьдесят четвёртый год.

«Поддержи меня, Держава...»

Поддержи меня, Держава.
Ведь страна не стала ржавой.
Ведь народ не стал уродом —
Власть наживы над народом.
Лживы подлые «герои»,
Землю праведную роют,
Предают отцов и дедов,
Бесовскую страсть изведав.
Старики свечами тают,
В переходах голодают.
Злыми играми неистов
В мире царствует Антихрист.
Но его уходит время...
Прорастает божье семя
В русских душах избитых.
Страшен суд за убитых,
За растленных властью тьмы.
Православны братья, мы!
Духом святым величава —
Поддержи меня, Держава!

«Да отступят печали и беды...»

Да отступят печали и беды,
Распадётся над Родиной тьма.
Я её беспросветье изведал,
Хорошо, не сошёл в ней с ума.
И сума приготовлена, чтобы
По Отчизне скитаться бомжом,
Постигая несытой утробой
Демократии радостный жор.

«В телевизор наблюдаю...»

В телевизор наблюдаю
За потоком новостей
И впускаю иногда я
В дом непрошенных гостей.
Ни замков не вскрыв, ни рамы,
Вмиг в квартире – вот те на!
Прямо в душу прыг с экрана —
И душа осквернена.

**«И зверполе, и гномов
неспешный поход...»**

И зверполе, и гномов неспешный поход,
О добыча земли, в ковьях – теплоход.
Первобытная тварь разлеглась у руля:
Что случилось с тобой, дорогая земля?
Ощетинилась копиями вражия цепь.
В изначалии это? А может, в конце?
Чьей жестокой рукой остановлен прогресс?
Птеродактиль кружит над руиной АЭС.

«Дозревает майский вечер...»

Дозревает майский вечер.
Разбросал закат хоругви.
Долетает издалече
Эхо дальнее округи.
Кто смеётся или стонет
За чертой небесной вехи?
Что душа родная вспомнит
В этом плаче или смехе?
Я открыт твоим просторам,
Бесконечная равнина,
Ощутив с немым восторгом,
Как душа тобой ранима.

Геометрия любви

Лес. Докучливые мошки.
Голубой дугой река.
Равнобедренные ножки,
Оголённые слегка.
Извелась бедняжка Катя,
Прижимаясь так и сяк,
От того, что падший катет
Не поднимется никак...
И не замкнут треугольник,
И бранится где-то мать...
Кавалер ведь алкоголик —
Это надо понимать.

**«В эту полночь дремучим
сознанием врос...»**

В эту полночь дремучим сознанием врос.
Различают глаза бесконечие звёзд,
Их не могут достичь даже мысли.
Нет, не дремлют извечные выси...
Чуть приметное действо Вселенной идёт:
То звезда через вечность звезде подмигнёт,
Огонёк проплывает бродячий.
Много тайн мироздание прячет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.